

Живая музыка

Кишиштофа Пендерецкого

Искусство, новости,
— 1997

ВСТРЕЧА

— 5-12 окт.
— с. 22

В Большом зале консерватории состоялась мировая премьера сочинения Кишиштофа Пендерецкого «Слава святому Даниилу, князю московскому».

Когда-то *enfant terrible* европейской музыкальной сцены, ныне пан Кишиштоф — один из столпов соразмерности, взвешенности и здравого смысла. Профессор Пендерецкий очень хорошо, может, даже слишком хорошо для действующего композитора осознает свое место «живого классика» в нынешней иерархии западной композиторской традиции.

В Москву он прилетел за два дня до премьеры и прямо из Шереметьева направился на репетицию, где его уже ждали исполнители — оркестр «Русская филармония», хор Академии хорового искусства, ТВ-6, чтобы наконец-то увидеть произведение, поправки в которое вносились буквально до момента представления музыкантам. В день премьеры, перед генеральной репетицией, маэстро любезно согласился дать интервью специально для «МН».

— Пан Кишиштоф, ваш взгляд на проблему: музыка и постиндустриальное общество. Что меняется, что остается неизменным?

— Мы живем в пространстве, которое я бы назвал «популистским», и, конечно, изменилось практически все. Так называемая серьезная и популярная музыка уже не так различаются между собой, барьер не столь высок, как раньше. Для меня, безусловно, барьер остается. В дни моей молодости серьезная музыка не имела ничего общего, скажем, с джазом. Сейчас же композиторы пишут музыку для кино, в которой используют настолько различные стили, что их границы последовательно стираются. Я думаю, что нынешний уровень искусства в целом очень низок.

— Низок?

— Конечно. Больше нет высокого искусства в том виде, в каком оно существовало ранее. Очень многие великие музыканты ушли от нас, умерли практически все великие композиторы... Русские Прокофьев и Шостакович, европейцы Барток и Мессиян...

— Но, допустим, Альфред Шнитке жив, слава Богу...

— Шнитке — не великий композитор, знаете ли. Он очень хорош, но это не уровень упомянутых гениев. Вообще сейчас композиторы стараются прежде всего потратить аудитории — часто в ущерб желанию создать что-либо достойное.

— А что же все-таки осталось неизменным?

— То, что люди, несмотря на распространение высококачественной цифровой записи, ходят — и будут ходить — на концерты, чтобы слушать живую музыку вместе. Я — не исключение.

— Недавно к нам приехал Исаак Стерн — первый исполнитель вашего скрипичного концерта. Он достаточно жестко высказывался о роли телевидения в современной музыкальной культуре. Вы же заявляете, что телевидение в наше время — основной проводник высокой культуры...

— Конечно, если используется надлежащим образом.

— Но вы же догадываетесь, что «среднестатистический» молодой человек, увидев на телеэкране симфонический оркестр, возопит: «Неужен мне Бах, Бетховен». И даже Пендерецкий?

— Это естественно. (Смеется.) Все дело в образовании, поскольку в нормальных школах музыкальное образование на нуле. А молодые люди, особенно живущие в провинции, вообще не имеют возможности прикоснуться к высокой музыке. В мои ученические годы с музыкальным образованием все было хорошо, сейчас это исчезло.

— Но и люди, постоянно посещающие концертные залы, тоже не очень часто смотрят концерты по телевизору. Кто-то жалуется на плохое качество звука, кому-то недостает ощущения сиюминутности исполнения...

— Ну, на Западе никаких проблем с качеством сейчас нет. Есть проблемы со вкусом публики, о чем я неоднократно говорил. Самый яркий пример — совместные концерты трех теноров, невозможные даже 20 лет назад. Для меня это —

полная нелепость: три тенора, поющие в унисон. Это банально, тривиально — называйте как хотите. А для нынешней публики это высочайший уровень искусства — что, конечно, в корне неверно.

— Вы так четко разделяете границы классической и популярной музыки, но, помнится, у вас были совместные проекты с джазовыми музыкантами — например, «Actions» с ныне покойным трубачом Доном Черри; или вы склонны «дезавуировать» эту работу?

— Нет-нет-нет, конечно, нет. Во-первых, это было лишь однажды, во-вторых, Дон Черри был прекрасным музыкантом — по самому большому счету.

— Этот диск был одной из первых попыток соединить музыкальные культуры Востока и Запада.

— Сейчас вообще не существует реального разграничения «Восток — Запад», потому что мы потребляем ту же самую информацию, что и японцы, и жители какой-либо другой страны мира... Главная проблема, подчеркну еще раз, — уровень художественного вкуса общества в целом. Роль средств массовой информации состоит в разъяснении, что такое высокое качество и хороший вкус, если хотите, в обучении этому.

— Собираетесь ли вы вернуться к идее соединения различных культур?

— Может быть, почему бы и нет? Но сейчас у меня много других проектов. Так, я продолжаю писать симфонии, фактически у меня пожизненный контракт с Мюнхенским симфоническим

Кишиштоф Пендерецкий на последней репетиции перед премьерой

оркестром на их исполнение. Я уже написал пять симфоний, хочу написать еще четыре.

— Итого, девять? Простите, это мне что-то напоминает...

— Да (смеется), я не испытываю желания написать больше девяти симфоний.

— Но тот, о котором мы оба подумали, пытался создать Десятую...

— Нет (смеется), даже пытаться не буду. Итак, контракт на симфонии истекает в 2011 году — тогда должна быть написана последняя, я все планирую заранее. Также хочу написать еще одну оперу, может быть, даже детскую — такого репертуара в мировой литературе пока мало. И, конечно, я буду писать музыку «на заказ» — как сегодняшнее произведение для Москвы. Этот проект осуществился потому, что господин Пономарев, директор ТВ-6, пришел ко мне... Вообще-то вначале я не хотел соглашаться на эту работу — у меня просто нет времени, но он настаивал, настаивал, настаивал — и в конце концов...

— Он вас «дожал».

— Да, можно так сказать. Я сказал: «Хорошо, я попытаюсь», нашел интересный текст — литургию святого Даниила, московского святого.

— Вы сами разыскивали текст?

— Нет, мне предложил его мой друг — профессор-славист Краковского университета.

— Вы до этого уже написали множество литургических в основе своей произведений. Как вы относитесь к экуменическому направлению в христианстве?

— Безоговорочно приветствую, в музыке я как раз этим и занимаюсь. Я — католик, но я далеко не всегда пишу католическую по духу музыку. Что касается православной традиции, то я написал

«Заутреню» тридцать лет назад, потом — «Херувимскую песню». А в прошлом году для празднования 3000-летия Иерусалима я написал «Семь врат», где использовал иудейскую музыку.

— Исполнялась ли ваша литургическая музыка в церкви?

— В церкви — да, но не в службе, не в мессе. Ведь это — ораториальные произведения, их нельзя подчинить строгому канону богослужения. А вот сейчас я как раз работаю над мессой — в первый раз в жизни и, думаю, в последний. Месса чрезвычайно велика по размерам, она будет звучать более часа. Со мной сотрудничает Хельмут Рилинг, известный специалист по творчеству Баха, он хочет представить мессу на Баховском фестивале в следующем году.

Вообще церковь — это место, где я начал свое музыкальное образование. В том маленьком городке на юго-востоке Польши, где я рос, высокую музыку можно было услышать лишь в церкви — оркестра у нас, естественно, не было, а радио было запрещено немцами; после войны по радио можно было услышать лишь коммунистическую пропаганду и музыку, скажем так, не интересовавшую меня. Так что единственная высокая традиция, с которой я был знаком в детстве, — это духовная музыка.

Вторая моя опора — это немецкая композиторская традиция. Когда я учился, нас «держали» на Бахе, конечно, были и Палестрина, и Монтеверди, но основой был Бах. Затем — симфонии Брукнера...

— А как насчет музыкального авангарда?

— Я открыл его для себя гораздо позже — в конце 50-х. К тому времени, впрочем, мой собственный музыкальный язык уже сформировался, так что не могу сказать, чтобы услышанное так уж сильно повлияло на мой стиль.

— То есть ни Джон Кейдж, ни...

— Нет, нет. Конечно, все это очень интересно, его идеи обогатили музыкальную жизнь в пятидесятых и особенно в шестидесятых годах, но Кейдж не принадлежит к числу великих композиторов. Скорее его можно назвать великим мыслителем, философом, но не композитором.

VOX NOBILI

Впечатлениями от концерта делятся:

Александр ГРАДСКИЙ:

— Это первое из многих произведений Пендерецкого, которое я слушал с огромным удовольствием. То, что он блестящий композитор и изумительный мастер, давно известно, но музыку его я никогда не любил.

Сейчас он написал блестящее тональное произведение, глубоко русское — несмотря на то, что он польский автор. Надо сказать, что его авторитет до такой степени повлиял на артистов хора и оркестра, что они, по-моему, превзошли самих себя.

Бари АЛИБАСОВ:

— Я очень люблю раннего Пендерецкого. За последние десятилетия он изменился — сравнить это произведение с «Космогонией», «Заутреней», «Плачем по жертвам Хиросимы» достаточно трудно. Его концерт в Москве — величайшее событие в мире музыки. Кого только не было на концерте Коперфильда, который, на мой взгляд, на несколько ступеней ниже Кио, а сегодня я что-то не вижу никого из властителей России.

Алексей КОЗЛОВ:

— Я думаю, что Пендерецкий сделал большой крен в сторону русской культуры, проявил колоссальное знание русской музыки разных времен и где-то даже наступил себе на горло — не вставил традиционные для него структуры, остался в рамках благозвучия, но решил это очень оригинально. Уходы из тональности совершенно неожиданны, но не режут ухо. Мне не хватало немного остроты, но в этом контексте, наверное, он совершенно правильно поступил. Он сделал историческую, глубоко славянскую вещь, где с первых нот чувствовался гениальный мастер... Это праздник, счастье, что мы его вообще здесь видим. Я его люблю еще с шестидесятых годов, когда его сочинения — такие, как «Stabat mater», — доходили к нам на польских пластинках.

Наталья ДЕМЕНТЬЕВА, министр культуры:

— Это волшебно, необыкновенно.

Александр БОВИН:

— Ощущения у меня правильные. Как раньше говорили, чувство глубокого удовлетворения.

Владимир ВАСИЛЬЕВ, художественный руководитель Большого театра:

— Имя Пендерецкого широко известно в нашей стране, поэтому совершенно естественно любопытство, наплыв, музыкальная тусовка, предшествовавшие премьере. Я, кстати, вижу в зале очень многих, не имеющих отношения к музыке людей — само имя притягательно. Произведение? Как всегда — человек, мыслящий космогонически, глобально...

— Поговаривают, что в Большом будет ставиться некая опера Пендерецкого.

— Я надеюсь, потому что разговор будет. Уже, вернее, он был.

Юрий ВАСИЛЬЕВ